

ОБРАЗ ЖИЗНИ КАК ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СТОРОНА КУЛЬТУРЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Аннотация. В статье рассматривается понятие «образ жизни» как одна из структур культуры повседневности, как цельность ее различных сфер и областей, начиная от трудовой деятельности и участия в общественно-политической жизни и кончая бытом и досугом. Образ жизни понимается как нормированная совокупность форм обыденной жизнедеятельности людей, порядков и способов их повседневного существования.

Ключевые слова: повседневность, культура повседневности, образ жизни, быт.

N. V. Rozenberg

LIFESTYLE AS AN ONTOLOGICAL ASPECT OF EVERYDAY CULTURE

Abstract. The article considers the concept of «lifestyle» as one of the structures of everyday culture, as the integrity of its various sectors and spheres, from employment and participation in political life to family life and leisure. Lifestyle had been understood as a complex of standardized forms of everyday life, procedures and methods of everyday existence.

Key words: everyday life, everyday culture, lifestyle, family life.

Повседневность, повседневная культура, обыденная жизнь уже не первое десятилетие являются предметом пристального изучения. Обращаясь к этой теме, ученые стремятся выявить ту реальность, в которой постоянно находится человек и которая воспринимается как естественное состояние, как собственная, частная сфера жизни, наполненная будничными событиями. Данный интерес вызван, в первую очередь, происходящими в обществе преобразованиями, которые затронули в том числе и повседневную область социального бытия.

Родственным по смыслу понятию «повседневность» является понятие «образ жизни», под которым имеется в виду некоторая совокупность форм обыденной жизнедеятельности людей, норм, порядков и способов их повседневного существования.

Образ жизни вбирает в себя все основы жизни и деятельности людей: с одной стороны, в образ жизни как систему входят некоторые элементы материально-бытовой практики в виде домашнего хозяйства – организация жилого пространства, обеспечение продуктами питания, одеждой, другими предметами повседневного обихода и т.п., а с другой – важной составляющей образа жизни является рекреация людей – восстановление их энергозатрат, снятие психических напряжений, оздоровление и пр., осуществляемые в различных формах отдыха, питания, активного или пассивного досуга, лечения и т.п. Следовательно, образ жизни есть вся повседневная жизнь, цельность ее различных сфер и областей, начиная от трудовой деятельности и участия в общественно-политической жизни и кончая бытом и досугом. Помимо этого, образ жизни включает и процессы саморазвития человека (физического, интеллектуального, эстетического, творческого), интимной жизни, организации обыденных социальных отношений и коммуницирование (общение), формирование и развитие образов обыденного мировосприятия, воспитание детей, заботы о собственном имидже, элементы религиозной и социальной обрядовой практики.

Понятие «образ жизни» в советской гуманитарной науке было сильно идеологизированным («советский образ жизни»). Необходимо отметить, что как понятие оно так и не сформировалось, но за ним стояло некое обобщенное представление о том, как живут определенные социальные и демографические группы людей, каковы их привычки и предпочтения, еда, одежда, занятия и обычаи, возможно, даже чувства. При этом в образе жизни можно выделить два ракурса: то, что называется уровнем жизни (что едят, пьют, покупают, т.е. что потребляют), и стиль жизни (как живут, нравы, обычаи, предпочтения).

Образ жизни есть высококонформативная сфера обыденной жизнедеятельности людей, характеристики которой в существенной мере определяются этнокультурными традициями определенного региона. Основными регулятивными механизмами образа жизни являются обычай и принятые в данной среде нормы социальной адекватности и критерии социальной престижности, хотя сегодня мы являемся свидетелями общемировой тенденции к унификации. Как пишет Лефевр, «прежде чем ряд революций ознаменовал собой приход так называемой современности, жилье, одежда, пища и питье – коротко говоря, образ жизни – были чрезвычайно разнообразны. Не подчиненный какой-либо одной системе, образ жизни различался в зависимости от региона и страны, слоя и класса населения, доступ-

ности природных ресурсов, времени года, климата и профессии, возраста и пола» [1, с. 33]. Мы согласны с этим, но тем не менее отметим, что образ жизни представляет собой одну из наименее динамичных характеристик культуры, что связано не только с феноменом его «привычности» для людей, но и с тем, что многие его черты играют значимую роль маркеров в этнической, социальной, конфессиональной и иной самоидентификации человека, являются внешним выражением его консолидированности со своей социальной средой.

Понятие образа (или стиля) жизни в первую очередь используется в классовых теориях и теориях социальной стратификации. Анализ этого термина большое внимание уделял М. Вебер. С его точки зрения, статусные группы стратифицированы именно по своим принципам потребления благ, выраженных в образе жизни, – в отличие от классов, стратифицированных по уровню экономического положения. При этом статусная позиция определяется социальной оценкой уважения и находится в сфере распределения престижа, а статусный престиж выражается, прежде всего, в том, что от всех, кто претендует на принадлежность к данному кругу, ожидается особый образ жизни. Роль стиля жизни в статусном престиже заключается в формировании определенных «условностей», или символов, которые следует демонстрировать всеми способами так, чтобы достичь полной «стилизации» жизни, создающей статусную группу и сохраняющей ее [2]. По отношению к множеству индивидуальных практик (видов деятельности и материальных объектов) стиль жизни выступает как то общее и повторяющееся, что позволяет отнести конкретного агента (семью или человека) к одной из различных социальных групп.

Нам близко понимание образа (или стиля) жизни как системы практик, повторяющихся в повседневном поведении и определяющих положение человека в социальном пространстве, которые складываются из различных образов жизни, встречающихся в пределах одной культурно-исторической эпохи. Эти, назовем их, «образцы жизни» воплощены в идеализированных образцах культуры, в локальных образах жизни различных социальных групп, в образах среды и сюжетах поведения в ней. Кроме этого, понимание образа жизни наполнено аксиологическим содержанием. Образ жизни (как свой, так и чужой) переживается как ценностное содержание доступных человеку потребностей и способностей. Это содержание проявляется в стремлении видеть и чувствовать, понимать ценность оправданной и завершенной жизни – профанной и сакральной, инди-

видуальной и общей для всех людей. Чем более ясно человек представляет себе ценностные основы своего образа жизни, тем более он (человек) оказывается приспособлен к предметным и знаковым условностям своего жизненного окружения, тем полнее реализуются его сущностные силы, задатки и призвания.

К факторам, конструирующим жизненные стили, мы относим условия бытия, традиции и содержащиеся в них явные или латентные правила интерпретации, оценки жизненных феноменов, а также институциональные образования, характерные для доминирующих групп и способствующие воспроизведению определенного типа личности, однако заметим, что ценности, нормы и каноны влияют на поведение людей лишь в той мере, в какой члены общества их активно разделяют или пассивно признают.

Образ жизни выражает одновременно типичное и специфическое, он отражает не культурное наследие, а текущую жизнь, не столько материальные артефакты, сколько социальные нормы, обычаи и ценности простых людей. Это заведенный порядок: привычка рано вставать или поздно ложиться, курить натошак, одеваться дома во все старое, покупать продукты на оптовом рынке, а не в магазине, по выходным бегать в лес или каждый день делать зарядку, читать перед сном и многое другое.

Культура и образ жизни связаны друг с другом настолько, что подчас их невозможно разорвать. Специалисты утверждают, что корни культуры лежат в повседневном опыте людей, который строится на коллективных привычках, правилах и нормах поведения. Как тонко замечает Б. В. Марков, «цивилизация делала рывок вперед при тех условиях, когда удавалось совместить земное и небесное, телесное и духовное, моральное и правовое, экономическое и этическое в устройстве повседневного пространства жизни» [3].

Понятие «образ жизни» включает в себя понятие «быт», которое отражает его прагматическую сторону. Для того, чтобы понимать смысл поведения живых людей (прошлого, да и настоящего), надо представлять себе, как они живут (или жили), какой мир их окружает, каковы их общие представления и представления нравственные, их служебные обязанности, обычаи, одежда. Из подробностей и мелочей быта, образа жизни складывается устойчивая типологическая определенность, своеобразное «лицо» общества как такового. Ценность исследований быта в том, что он выступает «обратной стороной» общественного бытия. По мнению В. Д. Лелеко, быт «в тенденции тяготеет к пол-

ному охвату всех проявлений повседневной жизни с преимущественным вниманием к ее материально-телесной стороне» [4, с. 101]. Повседневность же – это «установка сознания на принятие действительности как данности», «посюсторонний статус реальности повседневной жизни», «практический характер повседневной деятельности и обусловленные им конкретность и прагматизм целей, которые ставит и решает повседневный деятель» [4, с. 97]. Действительно, как отмечает Ю. М. Лотман, «быт – это обычное протекание жизни в ее реально-практических формах; быт – это вещи, которые нас окружают, наши привычки и каждодневное поведение. Быт окружает нас, как воздух, он заметен нам только тогда, когда его не хватает или он портится. Мы замечаем особенности чужого быта, но свой быт для нас неуловим – мы склонны его считать "просто жизнью", естественной нормой практического бытия» [5]. С этой точки зрения «быт» всегда находится в сфере практики, он связан, в первую очередь, с миром вещей, но к феномену «быта» мы относим и обычаи, и весь ритуал ежедневного поведения, и тот строй жизни, который определяет распорядок дня, время различных занятий, характер труда и досуга, формы отдыха, игры, любовный ритуал и ритуал похорон. Именно в этой связи быта и культуры раскрываются те черты, по которым мы узнаем своего и чужого, человека той или иной эпохи, соотечественника или иностранца. Обычай выполняет одну очень важную функцию: существует очень много поверий и привычек, принадлежащих исключительно какому-нибудь народу, эти нормы относятся к культуре, они закрепляются в формах бытового поведения, всего того, о чем говорится: «так принято и так прилично». Эти нормы вливаются в память культуры [5].

Заметим, что попытки разграничить данные понятия (быт и повседневность), облечь их в строгие и непротиворечивые формулировки сопряжены с большими трудностями и в конкретных исследованиях, как правило, термины «быт», «обыденность», «повседневность», «повседневная жизнь» употребляются как синонимы. Так, неслучайно Б. Вальденфельс в своей работе «Повседневность как плавильный тигль рациональности» пишет: «В последнее время особое внимание исследователей привлекли к себе два понятия – обыденная жизнь (Alltag) и повседневность (Alltaglichkeit), обозначающие определенную сферу и способ жизни. В качестве составляющей "лигирующей добавки" повседневность входит в ряд словосочетаний, например, таких как повседневная жизнь, обыденное знание, обыденное сознание, повседневная речь, повседневное поведение человека, культура

обыденной жизни» [6, с. 39]. В связи с этим, культурологический смысл понятия «повседневность» будет соотноситься с ракурсом, выбранным исследователем для анализа данного феномена, и, соответственно, включать как ее материально-бытовую сторону, так и обусловленные ей установки сознания.

В последнее время распространилась тенденция рассматривать динамику стиля жизни в контексте скорее культурных, чем социальных трансформаций. Особенно благоприятные условия для интенсивных трансформаций стилей повседневной жизни и их демонстрации сложились в крупных городах, где отмечается большая анонимность поведения населения, своего рода отстраненность людей друг от друга. Современный постмодернизм, основанный на урбанистических тенденциях и информационных технологиях, породил и соответствующий «постмодернистский стиль жизни». Его прежде всего связывают со средним классом городского населения, для которого характерны массовая культура, эстетизация повседневной жизни, наличие определенных центров потребления и досуга (развлекательные заведения, музеи и т.д.). Деиерархизация и стандартизация стиля жизни приводят к тому, что он перестает быть символом принадлежности к определенной социальной группе, несет в себе черты эклектики. Сегодня человек «должен выбирать не из четырех-пяти основных классовых стилей жизни, но буквально из сотен различных возможностей» [7, с. 306]. Так, стиль жизни «постмодерн» характеризуется как не имеющий единого согласованного организующего принципа: например, концерты классической музыки соседствуют с дискотеками и поп-музыкой [8].

Диверсификация стилей жизни и их презентация в последние десятилетия стали возможны благодаря возникновению определенных условий: прежде всего появлению новых экономических, информационных, культурных, политических возможностей и осознанию этих возможностей, затем росту толерантности граждан, готовности жить в достаточно сложной полистилистической среде и наконец усилению официальной поддержки, попыткам формального закрепления правил взаимодействия различных стилей в повседневной жизни.

Как уже отмечалось, повседневность не может возникать и существовать без человека. Человек пребывает в материальном мире, среди реальных, независимо от него существующих вещей и предметов, но в то же время он создает «мир повседневности», формирует его, воспринимая и рефлексирова его пространственный и временной аспекты. Следовательно, в понятии «повседневность» наряду с онтологической присутствует и аксиологи-

ческая сторона. К первой относятся явления и процессы, факты и события, изо дня в день повторяющиеся, обусловленные биологическими потребностями нашего организма. Аксиологическая сторона представляет человеческие эмоции и оценки повторяющихся событий, процессов и явлений. К числу основополагающих, базовых атрибутов повседневности относятся время и пространство, которые связывают ее с «большой» историей (политической, экономической, социальной). В свою очередь, темпорально-пространственные характеристики повседневности и с онтологической, и особенно с аксиологической стороны не являются константными, они относительны и динамичны; структура и механизмы человеческого сознания обусловлены и детерминированы конкретной историко-культурной обстановкой.

Совершенно очевидно, что одни и те же события в традиционном и современном обществах будут осознаваться и переживаться по-разному. В традиционном обществе каждое новое поколение оживляет и воспроизводит традицию, пребывая в циклическом «времени – круге». В данных обществах не существует понятия нехватки времени, что одинаково справедливо и для хозяйственного процесса, и для повседневной жизни.

Переход от понятия «время – круг», характерного для традиционного общества, к понятию «время – стрела», присущему индустриальному обществу, происходит в Европе в XVI–XVIII вв., когда родившаяся в буржуазно-купеческих кругах формула «время – деньги» становится всеобщим достоянием и постепенно проникает в повседневную жизнь. Однако данный процесс не был единовременным, и отношение ко времени, понимание его как чего-то такого, что может быть истрачено, сэкономлено, использовано разумно или нет в различных регионах или разных социальных группах, проявлялось по-разному. Очевидно, что повседневность в различные исторические эпохи различалась не только уровнем развития материальной культуры, техники, технологии, но и субъективным ощущением времени. Подобную эволюцию, безусловно, претерпела и материально-бытийная сторона повседневности, которая в значительной степени определяла и определяет человеческую жизнь и влияет на внутренний мир человека, установки его сознания.

В бытийной стороне повседневности выделяют три вида пространства, в которых одновременно пребывает человек: физическое (доступное непосредственному восприятию) и культурное. Состояние и поведение субъекта, с одной стороны, детерминированы этим окружением, а с другой – позволяет воздействовать и преобразовывать его. Находясь в зависимости от ма-

териально-вещественного окружения конкретного времени, человек вместе с тем имел возможность влиять на него, внося в повседневность определенные инновации, которые, объективируясь, в свою очередь, способствовали возникновению новой системы связей и отношений. «Созданная человеком реальность начинает формировать человека, – отмечает Н. Н. Козлова. – Она диктует людям, представленным следующими поколениями, свои правила. Складываются новая телесность и новая ментальность, новые образы жизни в массовом масштабе» [9, с 99].

Библиографический список

1. Лефевр А. Повседневное и повседневность // Социологическое обозрение. – 2007. – Т. 6. – № 3.
2. Вебер М. Класс, статус и партия // Социальная стратификация / под ред. С. А. Белановского. – М. : ИНП РАН, 1992. – Вып. 1. – С. 19–38.
3. Марков Б. В. Культура повседневности : учеб. пособие. – СПб., 2008.
4. Лелеко В. Пространство повседневности в европейской культуре. – СПб., 2002.
5. Лотман Ю. М. Беседы о русской культуре: Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX века). – СПб., 1994. – С. 5–15.
6. Вальденфельс Б. Повседневность как плавильный тигль рациональности // Социо-Логос / пер. с англ., нем., франц. – М. : Прогресс, 1991. – Вып. 1.
7. Toffler A. The Future shook. – London., 1970.
8. Property, bureaucracy and culture / M. Savage, J. Barlow, P. Dickrens, T. Fielding. – London. ; New York, 1992. – P. 99–218.
9. Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. – М., 1998.

Referenses

1. Lefevr A. Povsednevnoe i povsednevnost' // Sotsiologicheskoe obozrenie. – 2007. – Т. 6. – № 3.
2. Veber M. Klass, status i partiya // Sotsial'naya stratifi-katsiya / pod red. S. A. Belanovskogo. – М. : INP RAN, 1992. – Vyp. 1. – S. 19–38.
3. Markov B. V. Kul'tura povsednevnosti : ucheb. posobie. – SPb., 2008.
4. Leleko V. Prostranstvo povsednevnosti v evropejskoj kul'ture. – SPb., 2002.
5. Lotman Y. M. Besedy o russkoj kul'ture: Byt i traditsii russkogo dvoryanstva (XVIII – nachalo XIX veka). – SPb., 1994. – S. 5–15.

6. Val'denfel's B. Povsednevnost' kak plavil'nyj tigl' ra-tSIONal'nosti // Sotsio-Logos: per. s angl., nem., frants. – M. : Progress, 1991. – Vyp. 1.
7. Toffler A. The Future shook. – London, 1970.
8. Property, bureaucracy and culture / M. Savage, J. Barlow, P. Dickrens, T. Fielding. – London ; New York, 1992. – P. 99–218.
9. Kozlova N. N. Sotsial'no-istoricheskaya antropologiya. – M., 1998.

Информация об авторе

Розенберг Наталья Владимировна – доктор философских наук, заведующая кафедрой коммуникационного менеджмента, Пензенский государственный университет, г. Пенза, e-mail: elya@sura.ru.

Author

Rozenberg Natalia Vladimirovna – Doctor of Philosophy, Head of Communicational Management department, Penza State University, Penza, e-mail: elya@sura.ru.